

DOI: 10.31857/S032103910010634-0

СОЧИНЕНИЕ ФЕРЕКИДА АФИНСКОГО В КОНТЕКСТЕ РАННЕКЛАССИЧЕСКОГО ГРЕЧЕСКОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ

И.Е. Суриков

*Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

E-mail: isurikov@mail.ru

Статья посвящена Ферекиду Афинскому, незаслуженно полузабытому историку и мифографу первой половины — середины V в. до н.э., автору труда (называвшегося скорее всего «История» или «Истории»), от которого сохранилось немало фрагментов. Ферекид принадлежал к окружению аристократического рода Филаидов, возглавлявшегося в те времена выдающимся политиком и полководцем Кимоном. Кстати, один из самых важных (но в то же время и из самых проблемных) фрагментов Ферекида содержит родословную Филаидов, охватывающую несколько веков. В статье рассматриваются, в частности, следующие вопросы: так ли велико, как обычно считается, различие между Ферекидом, автором достаточно консервативным, и Гекатеем Милетским, имеющим репутацию «революционера» и рационалиста; был ли знаком с Ферекидом и его трудом Геродот, и если да, то как это повлияло на написанную последним «Историю»; в каком отношении находится Ферекид к возникшей позже традиции локального афинского историописания, плодом которой стал ряд трактатов, озаглавленных «Аттида».

Ключевые слова: раннее греческое историописание, Ферекид Афинский, мифография, генеалогии, Филаиды, Кимон, Гекатей, Геродот, Гелланик, аттидографы

PHERECYDES OF ATHENS' TREATISE IN THE CONTEXT OF EARLY CLASSICAL GREEK HISTORICAL WRITING

Igor E. Surikov

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia*

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-09-00022a

E-mail: isurikov@mail.ru

Данные об авторе. Игорь Евгеньевич Суриков — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ.

Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта 19-09-00022a «“Праотцы истории”: древнейшие представители античной исторической науки». Все даты в статье, кроме оговоренных случаев, — до н.э.

The article is devoted to Pherecydes of Athens, an undeservedly neglected historian and mythographer of the early to mid-fifth century B.C., the author of a treatise (entitled, most probably, *History* or *Histories*), of which a rather considerable number of fragments have survived. Pherecydes belonged to the circle of the aristocratic house of Philaids, whose head at his time was the outstanding politician and general Cimon. Besides, one of the most significant (but at the same time the most problematic) fragments of Pherecydes contains a genealogy of the Philaids, which embraces several centuries. The article considers, in particular, the following questions. Was the difference between Pherecydes, a fairly conservative writer, and Hecataeus, with his reputation of a “revolutionary” and rationalist, as great as it is usually postulated? Did Pherecydes and his work influence Herodotus’ *Histories*? What was Pherecydes’ relation to the later tradition of local Athenian historical writing (the so-called *Atthides*)? It is argued here that although Pherecydes mainly wrote on mythography, he undoubtedly must be ranked among representatives of early (6th–5th cent. B.C.) Greek historiography. Moreover, he should be regarded as one of the greatest historians of that cohort, side by side with Hecataeus, Hellanicus, Herodotus, and Thucydides.

Keywords: Early Greek historical writing, Pherecydes of Athens, mythography, genealogies, Philaids, Cimon, Hecataeus, Herodotus, Hellanicus, Atthidographers

Ферекид — «первый афинский прозаик»¹, как назвал его Феликс Якоби² (именно он первым в науке привлек должное внимание к этому писателю и, по сути, реконструировал его, отделив, отчленив от тезок — Ферекида Сиросского и Ферекида Леросского), на фоне Геродота, и тем более Фукидида, выглядит нарочито старомодным как автор, хотя он был лишь на поколение старше первого³ (и, весьма вероятно, даже лично встречался с ним) и на два поколения — второго. Сочинение Ферекида⁴, называвшееся скорее всего «История» или «Истории»⁵,

¹ Но, подчеркнем, не первый аттический прозаик (таковым, видимо, следует признать начавшего писать в 440-х годах Антифонта, о котором см. Gagarin 2002). Диалектом же труда Ферекида был еще ионийский (см. языковой анализ его сохранившихся фрагментов: Fowler 2013, 715–718). В этом отношении наш автор, без сомнения, отдавал дань традиции, сложившейся в VI в., когда по-ионийски писал даже дориец-аргосец Акусилаид.

² Jacoby 1956, 116,

³ В качестве времени акме Ферекида указывается 81-я олимпиада (Pherec. *FGrHist.* 3. T6 = Euseb. *Chron.* Hieronym. *Ol.* 81, 1), приходящаяся на 456/455–453/452 гг. Видимо, в это время Ферекид завершил и издал свой труд, что и принесло ему известность. Начал же он работу над ним в 460-х, или даже 470-х, годах.

⁴ В дальнейшем «Ферекид», употребленное без разъяснения, будет означать «Ферекид Афинский».

⁵ В свидетельствах позднейших авторов, цитирующих его (Jacoby 1995, 58–59), оно фигурирует то как «Истории» (именно так, во множественном числе), то как «Теогония» («Происхождение богов»), то как «Автохтоны», то без упоминания заголовка. Вариант «Теогония» представляется крайне маловероятным, поскольку как раз теогонии-то в труде Ферекида, похоже, и не было (см. ниже). Не думаем, что верен и вариант «Автохтоны»: автохтонами называли обычно афинян, а труд Ферекида посвящен отнюдь не только Аттике. Но если произведение называлось «Истории» или «История», то получается, что Ферекид пользовался данным термином еще до Геродота, причем употреблял его, судя по всему, в том же значении — «исследования, изыскания». Таким образом, неосновательно мнение, что существительное «история» ранее Геродота вообще не встречается в памятниках древнегреческого языка (Nikolaidou-Arabatzis 2018, 224).

по размеру (десять книг) было обширным⁶, сопоставимым с геродотовским и фукидидовским, но в нем мы не найдем свойственных Геродоту «признаков истинного историка — большого нарратива, исторического видения, явной заинтересованности методом»⁷. В случае с Ферекидом перед нами традиционнейшая повествовательная мифография⁸. Но не следует забывать, что именно из такой мифографии выросло в Греции всё серьезное историческое исследование⁹, что именно в ее жанре работали практически все перечисленные в знаменитом пассаже Дионисия Галикарнасского (*De Thuc.* 5) древнейшие представители античного историописания¹⁰, как те же Акусилаи и Гекатеи.

Интерес к прозаической мифографии, несомненный у эллинов со второй половины VI в., был порожден, как считают¹¹ (и, видимо, справедливо), большой популярностью приписывавшейся Гесиоду (и, возможно, действительно ему принадлежавшей) генеалогической поэмы «Каталог женщин, или Эои», у которой затем появился расширенный вариант «Великие Эои», уже совершенно точно

Главный исторический труд Гекатея Милетского (а он жил еще раньше, чем Ферекид) тоже скорее всего назывался «Истории» или «История» (Strab. XIV. 1. 7; Demetr. *De eloc.* 2; *Schol. Apoll. Rhod.* I. 551).

⁶ Для сравнения: труды Акусилаи и Гекатея по аналогичной проблематике состояли, соответственно, из трех и четырех книг.

⁷ Fowler 2013, 668.

⁸ Впрочем, Ферекид даже и как мифограф ныне часто востребован меньше, чем он заслуживает. Например, в стандартном очерке античной мифологии М. Гранта, весьма популярном в англоязычном мире, Ферекид Афинский, у которого содержится богатый мифологический материал, упоминается на четырех сотнях страниц лишь один-единственный (!) раз (Grant 1962, 172; также один раз, в другой связи, упомянут Ферекид Сиросский — Grant 1962, 96). Не в меньшей мере пренебрегают им и как историком: в общих трудах по древнегреческому историописанию ему посвящается в самом лучшем случае несколько страниц (Lendle 1992, 22–25), чаще — несколько разрозненных фраз (Matijašić 2018, 50, 55, 211, 214; ср. Pearson 1975, 5, 10, 166, 180, 219, хотя это книга даже не по древнегреческой в целом, а конкретно по ранней ионийской историографии, и уж в ней-то Ферекид мог бы получить и более детальное освещение, — для сравнения, о Гекатее там почти сотня страниц, о Гелланике — тоже), порой — о нем вообще ни слова, а упомянут только Ферекид Сиросский (как в Luce 1997, 9; Scanlon 2015, 19).

⁹ См. на примере Гекатея: Bertelli 2007; Alganza Roldán 2012.

¹⁰ По неясным причинам Ферекид не попал в этот перечень («Итак, до Пелопоннесской войны существовало много древнейших историков, и в разных местах; среди них — и Евгеон Самосский, и Деиох Проконнеский, и Евдем Паросский, и Демокл Фигелейский, и Гекатеи Милетский, и аргосец Акусилаи, и лампсакиец Харон, и халкедонянин Амелесагор. А немного более старшими по сравнению с пелопоннесскими событиями, но дожившими до поколения Фукидида, были и Гелланик Лесбосский, и Дамаст Сигейский, и Ксеномед Кеосский, и Ксанф Лидийский, и многие другие»). В то же время известно, что Дионисий Ферекида знал и тоже достаточно высоко ценил: в другом своем труде, в «Римских древностях», он упоминает «мужа из числа древнейших историков... Ферекида-афинянина, не уступающего никому из авторов родословных» (Dion. Hal. *Ant. Rom.* I. 13. 1 = Pherec. *FGrHist.* 3. T7).

¹¹ Например, Fowler 2013, XIV–XVI.

негесиодовский¹². Но если подобного рода эпос сочетал в себе развлекательные и поучительные задачи, то в трудах мифографов уже ровно ничего развлекательного не было. Это тексты в большинстве своем чрезвычайно сухие, в сущности представляющие собой сгустки чистой информации. Налицо их научный характер (в духе ранней ионийской науки), и, конечно, не следует забывать, что сюжеты, нами ныне воспринимающиеся как мифологические, в восприятии самих греков были вполне историческими¹³, т.е. вполне адекватно отражающими их собственное древнейшее прошлое. Генеалогическая мифография (востребованная по понятным причинам в первую очередь в аристократической среде) выполняла важную социальную функцию — связывала это прошлое с настоящим, и в этом смысле к ней вполне применимо предложенное Х.-Й. Герке понятие «интенциональной истории»¹⁴.

Возвращаясь к Ферекиду, отметим еще, что он производит более архаичное впечатление в сравнении не только с Геродотом и Фукидидом, работавшими позже, но даже и с предшественником, Гекатеем Милетским (во всяком случае, на первый взгляд). В отличие от последнего у Ферекида не прослеживается ни выраженного авторского начала (столь рельефного в знаменитейшем гекатеевском фрагменте *Hecat. FGrHist. 1. F1*), ни рационалистической критики мифов, ни интереса к географии¹⁵... Подчас читаешь Ферекида — и как будто бы читаешь писателя, творившего не после, а до прорывов и новаторств Гекатея. Не случайно некоторое время назад прозвучало предложение (совершенно, впрочем, несообразное) вновь «ликвидировать» раннеклассического ученого Ферекида Афинского, изобретенного-де Якоби, и вернуть его фрагменты их «подлинному» владельцу Ферекиду Сирроскому¹⁶. Тогда перед нами и вправду оказался бы более ранний автор, чем Гекатей: Ферекида Сирросского относят к середине VI в. (в традиции он фигурирует как учитель Пифагора и включается в некоторые каноны «Семи мудрецов») и иногда называют первым греческим прозаиком вообще.

ФЕРЕКИД И ГЕКАТЕЙ

Роберт Фаулер, в последнее время занимавшийся Ферекидом более интенсивно, чем кто-либо¹⁷, дает ему неоднозначную и несколько противоречивую характеристику.

С одной стороны, он подчеркивает, что его взгляды консервативнее, нежели у Гекатея (так, рационалистических интерпретаций мифа Ферекид сознательно сторонится). В принципе, вполне естественно, что афинянин первой половины V в. оказывается большим консерватором, чем иониец рубежа VI–V вв.: уже давно

¹² См. об этих поэмах коллективный труд Hunter 2005.

¹³ Что отмечалось многократно (см. хотя бы Nilsson 1951, 12; Starr 1962, 68; Vidal-Naquet 2001, 228; Fowler 2013, XII).

¹⁴ Gehrke 2014, 9–64.

¹⁵ О ярко выраженном интересе Гекатея к географии см. Herrmann 1911; Hansen 1997; Braun 2004.

¹⁶ Toye 1997. Полная безосновательность подобной странной позиции продемонстрирована в Fowler 1999.

¹⁷ За исключением, пожалуй, Э. Рушенбуша, о выкладках которого пойдет речь ниже.

отмечено, что в Афины до «софистического Просвещения», начавшегося при Перикле, новые идеи проникали с трудом¹⁸.

Но, с другой стороны, тот же Фаулер, называющий Ферекида «звездой» среди мифографов, пишет, что он «был революционером, который определил жанр мифографии»¹⁹. Здесь нам видится определенная непоследовательность. Как можно быть одновременно «консерватором» и «революционером»?

Да и в чем, собственно, должна заключаться пресловутая «революционность» нашего автора? Да, он, безусловно, создал гораздо более объемный (и соответственно, следует полагать, более полный по содержанию) мифографический труд, чем любой из его предшественников; но объем — количественный, а не качественный параметр. Далее, Р. Фаулер сумел удачно показать, что в сочинении Ферекида отсутствовала теогония. Якоби полагал, что она в нем наличествовала, являясь одной из основных тем первых двух книг²⁰. Фаулер, со своей стороны, это отрицает²¹, и, видимо, он прав. Данная особенность отражает ментальный процесс, в ходе которого с определенного момента события из жизни *богов* перестали считаться имеющими отношение к истории, в то время как события из жизни *героев* еще оставались ее неотъемлемой частью.

Однако и в этом смысле Ферекид вряд ли революционер. Теогония была исключена из историко-мифографических исследований еще до него: ее, в частности, нет уже в «Генеалогиях» Гекатея, что признает и Якоби. Из древнейших историков теогонию включил в свой труд только Акусилаи Аргосский, который на хронологической шкале должен быть поставлен перед Гекатеем²².

С другой стороны, вопрос может быть поставлен и так, а не преувеличивается ли в современной литературе «революционность» самого Гекатея. На ней антиковеды, как правило, настаивают (нередко, например, высказывается мнение, что если бы труды милетянина полностью сохранились, то именно его, а не Геродота ныне называли бы «отцом истории»). Однако есть ведь и противоположная точка

¹⁸ См. хотя бы Zelinskiy 1907, 167: «Афины V века, со своей строгостью нравов, своим благочестием, своей неукоснительной верностью религиозным обычаям отцов, очень резко контрастировали не только с современной им Ионией, но даже и с Ионией гомеровской эпохи».

¹⁹ Fowler 2013, 706.

²⁰ Jacoby 1995, 74–77.

²¹ Fowler 2000, 302–303.

²² Хотя во FGrHist Якоби он идет после Гекатея, вторым номером (а третьим — наш Ферекид), в действительности именно Акусилаи, видимо, следует считать самым ранним представителем древнегреческого историописания. Во всяком случае, если говорить о тех историках, от которых сохранились аутентичные и внятные фрагменты (т.е. если не брать в расчет проблематичные полулегендарные фигуры, вроде Кадма Милетского и т.п.). Деятельность Гекатея еще продолжалась в начале V в., в то время как жизнь и творчество аргосского автора целиком укладываются в рамки предшествующего столетия. Возможно, он должен быть датирован даже его первой половиной. Во всяком случае, имя Акусилаи включалось в некоторые перечни «Семи мудрецов» (а, кстати, имя Гекатея — никогда). Известно, что лица, причислявшиеся к «великой семерке» (их на самом деле, естественно, намного больше), в подавляющем большинстве относятся именно к первой половине VI в.

зрения, принадлежащая такой серьезной исследовательнице, как С. Уэст²³. Она заключается в том, что мы, возможно, преувеличиваем оригинальность, достоинства, значение трудов Гекатея, а в действительности его фрагменты несколько разочаровывают, оказываясь не столь уж и содержательными.

Необходимо, правда, оговорить, что эта недостаточная содержательность очень часто является виной не самого Гекатея. Многие его фрагменты (в количественном отношении они едва ли не преобладают) имеют такой, скажем, вид: «Крабасия. Город у иберов. Гекатей в “Европе”» (Hecat. *FGrHist.* 1. F46 = Steph. Byz. s.v. Κραβασία); «Нирак. Город в Кельтике. Гекатей в “Европе”» (Hecat. *FGrHist.* 1. F56 = Steph. Byz. s.v. Νύραξ); «Сиракузы. Величайший город на Сицилии, как пишет Гекатей в “Европе”» (Hecat. *FGrHist.* 1. F74 = Steph. Byz. s.v. Συρακοῦσαι); «Оликры. Город около Навпакта. Гекатей в “Описании Европы”» (Hecat. *FGrHist.* 1. F112 = Steph. Byz. s.v. Ὀλύκραι); «Кардесс. Город в Скифии. Гекатей в “Европе”» (Hecat. *FGrHist.* 1. F188 = Steph. Byz. s.v. Καρδησόος). И примеры эти можно было бы множить и множить. Их обилие связано прежде всего с тем, что подобные фрагменты черпаются почти всегда из известного лексикона «Этника» Стефана Византийского (VI в.). Трактат Гекатея, судя по всему, был одним из самых важных источников для Стефана. Но его-то интересовали у милетского ученого именно топонимы и этнонимы, и только их-то он и брал из его трудов! Гекатей, бесспорно, их упоминал, но нет ровно никаких оснований полагать, что он в целом писал в таком телеграфном стиле.

На чем зиждется высочайшая репутация Гекатея в первую очередь? Конечно же, на самом известном его фрагменте, представляющем собой начало его историко-мифографического труда, самую первую фразу (Hecat. *FGrHist.* 1. F1): «Гекатей Милетский говорит так: я пишу нижеследующее, как мне представляется истинным; ведь сказания эллинов и многочисленны и смехотворны — такими они мне кажутся».

Перед нами первое суждение общетеоретического характера в античной и мировой историографии. В этой фразе обращают на себя внимание два нюанса: ярко выраженный личностный подход, выражающийся в приоритетном указании автора сочинения, и резко критическое отношение к предшествующей мифографической традиции. Также необходимо отметить следующее обстоятельство: «говорит» в начале фрагмента — это греческое μυθεῖται, а вот упоминающиеся далее в критическом аспекте сказания — λόγοι. Обычно путь последовательной рационализации древнегреческой мысли передают (и у нас, и на Западе) выражением «от мифа к логосу». Но тут перед нами вырисовывается какая-то совершенно противоположная картина: «от логоса к мифу» (ведь μυθεόμαι, конечно же, от «мифа»). Вопрос действительно нуждается в дальнейшем исследовании.

Р. Фаулер комментирует приведенный пассаж детальнейшим образом²⁴, рассматривая буквально все его потенциальные импликации. Совершенно справедливо он подчеркивает важность расположения этих слов в самом начале трактата, т.е. в необычайно выигрышной позиции для обозначения существенного в своих

²³ West 1991, 144–160.

²⁴ Fowler 2013, 677–680.

взглядах. Зачин и то, как его построить, были вообще вещами, важными для ранних греческих историков²⁵.

Однако было ли действительно принципиальное новаторство в том, как Гекатей начал свой труд? А вот этого-то мы и не знаем (можем в лучшем случае догадываться), ибо нам *не с чем сравнивать*. Вступление к труду Гекатея, само собой, сравнивают со вступлениями более поздних авторов — Геродота и Фукидида, и это приносит результаты²⁶. Можно сравнить еще, допустим, с началом сочинения Гераклита Эфесского — современника Гекатея (даже упоминающего его!), и тоже ионийца. Это начало тоже сохранилось (Heraclit. DK. 22. B1), но тут перед нами все-таки совсем иной жанр, философский. А вот если брать дошедшие тексты древнейших представителей историописания, то в них, увы, нет релевантных comparanda.

Нет таковых и у Ферекида, хотя общий объем его фрагментов таков же, если не больше, как фрагментов Гекатея²⁷. Соответственно, мы не можем даже догадываться, какими словами первый афинский историк начал свое сочинение. Может быть, вполне тривиальными, а может быть, в них тоже была какая-то изюминка? Разговор беспредметен. В конце концов, и первая фраза «Генеалогий» Гекатея известна нам по чистой случайности — ее процитировал эллинистический филолог Деметрий, причем отнюдь не из интереса к методологии истории, а в контексте рассуждений о стиле, как образчик ранней неперIODической прозы. Фаулер указывает, что Гекатей пишет от первого лица, а Ферекид писал от третьего (как Фукидид)²⁸, но, во-первых, в этом нет полной уверенности; во-вторых же, даже если это суждение соответствует действительности, оно не имеет прямого отношения к авторскому началу (уж у Фукидида-то оно выражено более чем рельефно, несмотря на третье лицо).

Также характерным признаком новаторства Гекатея признают упоминавшиеся выше его рационалистические трактовки мифов. О них знают все, поскольку к соответствующим фрагментам апеллируют в литературе постоянно²⁹, а ведь таких фрагментов у него на самом деле немного. Да, он считает Кербера не адским трехглавым псом, а змеей, жившей у Тенара и побежденной Гераклом (Hesat. FGrHist. 1. F27). Но, кстати говоря, мы опять же понятия не имеем, кем или чем был Кербер для Ферекида: так получилось, что в его сохранившихся фрагментах этого сюжета нет.

Порой неясно, обуславливались ли поправки Гекатея в тех или иных мифах его рационализмом или чем-либо другим. Так, на рационализм обычно списывают следующее: «Сам же Египт не пришел в Аргос, а только его сыновья, а было их, как сочинил Гесиод, пятьдесят, по-моему же, и двадцати не было» (Hesat.

²⁵ Применительно к Геродоту: Pelliccia 1992; Bakker 2002.

²⁶ Так, парадоксальным образом выявляется, что базовый подход Гекатея ближе фукидидовскому, чем геродотовскому (Surikov 2011, 157–158).

²⁷ При том что количество фрагментов Гекатея в два с лишним раза больше. Дело в том, что у него чрезвычайно много фрагментов на одну — две строчки (те самые excerpta из Стефана Византийского).

²⁸ Fowler 2013, 679.

²⁹ Начиная уже с таких старинных работ, как, например, Wipprecht 1902, 45–46.

FGrHist. 1. F19). Но что же здесь, собственно, рационалистического и почему 20 детей — это нормально, а 50 — уже перебор? Приаму традиция приписывала даже большее число детей, и в принципе ничего сверхъестественного тут нет, если это дети не от одной жены.

И в любом случае приведенные два фрагмента — это, в общем-то, все, что свидетельствует о рационализме или «рационализме» Гекатея; больше ничего нет³⁰. А в то же время есть, например, такое (Hecat. *FGrHist.* 1. F15): «А Гекатей Милетский, говоря, что виноградная лоза была обретаена в Этолии, сообщает, в частности, следующее: “Оресфей, сын Девкалиона, пришел в Этолию на царство, и его собака родила пень, и он приказал его закопать, и из него выросла виноградная лоза, обильная гроздьями; потому-то Оресфей и назвал своего сына Фитием³¹. А у этого последнего родился Ойней, получивший имя от виноградных лоз (ведь, как говорят, древние эллины называли виноградные лозы ойнами³²); у Ойнея же родился Этол³³”».

Таким образом, чудесное из мира Гекатея отнюдь не исключено. Никоим образом не был он и атеистом, — напротив того, считал своим прямым предком в шестнадцатом поколении бога (Hecat. *FGrHist.* 1. F300 = Hdt. II. 143–145). Так, может быть, не столь уж и велико различие между «прогрессивным» Гекатеем и «ретроградом» Ферекидом? Проведем небольшой эксперимент: процитируем из того и другого по фрагменту на одну и ту же тему, до времени скрыв имена двух авторов. Каждый ли с ходу догадается, кто есть кто?

1. Овен³⁴: тот, который перенес Фрикса и Геллу. Он был бессмертен и дан им матерью Нефелой. Имел же он золотое руно, как сообщили Гесиод и X. А переноса их через самое узкое место моря, названного в честь Геллы Геллеспонтом, он уронил ее, потеряв рог, — Посейдон же спасает Геллу и, совокупившись с ней, породил³⁵ сына по имени Пеон, — а спасшегося Фрикса доставил в Евксинский залив к Эту; Фрикс же, сняв золотую шкуру, отдал ему на память.

³⁰ Точнее, есть еще фрагмент Hecat. *FGrHist.* 1. F35 bis, совершенно евгемеристский (Плутона стали считать богом подземного мира, потому что он первым стал размышлять о загробной жизни, Эол первым задумался о различиях между ветрами...). Но этот фрагмент резонно вызывает серьезные сомнения в своей аутентичности. Писатель, из которого его взял Якоби, вообще не является античным. Это Натале Конти (1520–1582) — итальянский гуманист-эрудит, автор впервые изданного в 1567 г. труда «Мифологии» в 10 книгах, написанного на латинском языке (он и свое имя на нем поставил в латинизированной форме — Natalis Comes). Р. Фаулер (Fowler 2000, XXXIII; 2013, 735–737), думается, совершенно прав в своем отказе включать произвольные фантазии Конти в число достоверных фрагментов Гекатея. Хотя итальянец нередко на него ссылается, просто немислимо, чтобы тогда еще был каким-то образом доступен для цитирования полный текст гекатеевского трактата.

³¹ Можно примерно перевести как «насажденный».

³² Ср. οἶνος — вино. Связь имени Ойнея также и с этим словом несомненна.

³³ Мифологический родоначальник этолийцев.

³⁴ Имеется в виду созвездие Овна.

³⁵ Sic. Постоянное чередование praesens historicum и аориста весьма характерно и для Гекатея, и для Ферекида, и, насколько можно судить, для всей этой когорты древнейших историков.

2. Ведь говорят, что, когда Гелла упала, а Фрикс прилагал все свои силы к спасению, баран, придавая ему смелости, изрек принятое по воле Зевса решение — что тот спасется, попав в Скифию³⁶. От этого надлежало быть злу для самой Алкимеды, коль скоро ее сыну предстояло отправиться туда³⁷. Рассказ же о том, что баран заговорил, содержится у Y. А некоторые говорят, что Фрикс плыл на корабле с фигурой барана на носу. Дионисий³⁸ же во второй книге утверждает, что Крий³⁹ был воспитателем Фрикса и вместе с ним уплыл к колхам. Потому-то и рассказываются мифы о принесении в жертву барана в этом месте.

Как ни парадоксально, X, у которого из сверхъестественного — только унаследованный из традиции летающий баран, — это Ферекид (*FGrHist.* 3. F99⁴⁰ = *Eratosth. Cataster.* 19). А Y, подчеркивающий, что баран был еще и говорящим, т.е. усугубляющий паранормальность, — это Гекатей (*FGrHist.* F17 = *Schol. Apollod. Rhod.* I. 256). Вообще говоря, многие фрагменты Гекатея и Ферекида (равно как, скажем, Акусилая или какого-нибудь другого представителя мифографии этого периода) схожи как близнецы, и если бы не упоминания их имен цитирующими авторами, мы ни за что не догадались бы, что из кого взято.

Наконец, об отсутствующем у Ферекида интересе к географии — этой яркой, характерной черте ранней ионийской науки⁴¹: в качестве составителя первой географической карты в традиции фигурирует Анаксимандр Милетский (он же, строго говоря, является и первым философом — именно он, а не его учитель Фалес, принадлежащий еще к «мудрецам»⁴²), а составителем второй называют как раз Гекатея (*Hecat.* *FGrHist.* 1. T12). Но здесь дело в том, что у последнего этот интерес к географии проявился не в его труде «Генеалогии» («Истории», «Героология»), а во втором сочинении того же автора, «Описание Земли» (или «Очерк Земли»).

Неиную картину наблюдаем мы и у других греческих историков первых поколений. Так, у Дамаста Сигейского был чисто мифографо-генеалогический трактат «О родителях и предках отправившихся походом на Илион», а в то же время сообщается о нем как об авторе географического произведения (источники называют его по-разному: «Перечень племен и городов», «О племенах», «Перипл»). У Харона Лампсакского немало историко-мифографических трудов («О Лампсакке», «Летописи лампсакийцев», «Основания городов» и др.); с другой стороны, есть упоминания о его сочинении «Перипл мест, что за Геракловыми столбами».

Таким образом, мифографический и географический дискурсы в целом не пересекались, развивались в рамках отдельных жанров (впервые полноценное взаимопроникновение истории и географии — а также, кстати,

³⁶ Известно, что на самом деле речь должна идти о Колхиде. Видимо, схолиаст (из которого эта цитата) воспринимал ее как часть Скифии.

³⁷ Алкимеда — мать Ясона. Смысл фразы надлежит понимать так: если бы златорунный баран не оказался в Колхиде, Ясону не пришлось бы плыть туда за золотым руном, а ведь это плавание принесло ему, помимо прочего, и много бедствий.

³⁸ Дионисий Скитобрахион, александрийский грамматик II в.

³⁹ Личное имя, означающее «Баран».

⁴⁰ С добавлениями Фаулера.

⁴¹ Ср. Engels 2007; Cole 2010; Bichler 2016.

⁴² Popper 1983, 564—570; Heidegger 1991, 28—40.

и этнографии — обнаруживаем, пожалуй, у Геродота⁴³). А Ферекид являлся автором одного-единственного (пусть и крупного) труда, предметом которого выступала мифография, поэтому неудивительно, что географических данных мы у него практически не встречаем.

ФЕРЕКИД И ГЕРОДОТ

Здесь приходится коснуться сюжета достаточно интригующего. Выдающийся немецкий антиковед Эберхард Рушенбуш в свое время посвятил цикл статей⁴⁴ обоснованию тезиса, согласно которому Ферекид Афинский оказал весьма значительное влияние на Геродота. Фактически он стал для галикарнасца учителем и, уж во всяком случае, одним из самых главных информаторов. По мнению Рушенбуша, именно Ферекиду обязан Геродот большей частью имевшихся у него сведений об афинских (да и отнюдь не только афинских) делах раннего периода (до 500 г.). В частности, ученый убежден, что Ферекид послужил источником для «отца истории», да и для Фукидида, при описании мятежа Килона.

Таким образом, нашему автору отводится очень почетное место. Сразу оговорим: ни Геродот, ни Фукидид не упоминают Ферекида, у них нет ссылок на него. Но в данном случае *argumentum ex silentio* как раз не имеет ровно никакой силы. Подобная фигура умолчания связана исключительно со специфической манерой древнегреческих историков ссылаться на предшественников⁴⁵. Достаточно напомнить в параллель: Фукидид не мог не читать Геродота (а в детстве слушал отрывки из его «Истории» в исполнении самого автора), тем не менее не упоминает даже его⁴⁶, хотя в одном месте (Thuc. I. 20—21) явно полемизирует именно с ним, говоря о каких-то «логографах».

Поэтому когда Фаулер в пику Рушенбушу утверждает⁴⁷, что вообще невозможно доказать факт знакомства Геродота с трудом Ферекида, он, разумеется, апеллирует не к пресловутому отсутствию ссылок, прекрасно понимая, что подобный довод бездоказателен. Он исходит из двух других положений.

Во-первых, согласно общей концепции Фаулера, мифографы (в том числе и Ферекид) являлись именно только мифографами, т.е. рассматривали в своих сочинениях лишь дела легендарной, или героической эпохи, не переходя к собственно исторической. Соответственно, трактат Ферекида должен был завершаться где-то примерно на таких событиях, как дорийское вторжение на Пелопоннес и ионийская эмиграция в Азию; стало быть, в нем заведомо не могло идти речи, скажем, о той же «Килоновой смуте» (636 г.).

⁴³ Bichler 2001; 2018.

⁴⁴ Ruschenbusch 1995; 2000; 2003. Не можем не отметить, что Р. Фаулер, хотя библиографический список к его двухтомнику о ранней мифографии колоссален, знает только первую из указанных статей Рушенбуша.

⁴⁵ Эта манера остроумно и афористично охарактеризована в Veyne 2003, 11—18.

⁴⁶ Фукидид из предшественников ссылается (лишь однажды) только на Гелланика (Thuc. I. 97. 2), причем с единственной целью — подвергнуть коллегу критике, уличить в хронологических неточностях. См. к проблеме Lendle 1968; Smart 1986.

⁴⁷ Fowler 2007, 114; 2013, 710.

Действительно, у Ферекида есть фрагменты о подвиге Кодра и переселении в Ионию под руководством его сына Андрокла (Pheres. *FGrHist.* 3. F154–155). Однако свидетельств, что на этом он и заканчивал изложение, у нас нет, это чисто умозрительное предположение. А с другой стороны, важнейший фрагмент F2 (подробнее см. ниже) свидетельствует скорее о противоположном: в нем упоминаются реальные афинские политические деятели VI в. Гиппоклид и Мильтиад Старший, прекрасно известные и из других источников (в том числе из того же Геродота).

Во-вторых, Фаулер полагает, что в тех случаях, когда Ферекид и Геродот все же пишут об одном и том же, они противоречат друг другу и для него это знак, что два историка друг друга не читали. Несколько иначе у А. Дюплуи⁴⁸, который тоже признает наличие таких противоречий, но объясняет их по-другому: Геродот трактат Ферекида изучал, но не со всем согласился и сознательно вступает с предшественником в полемику. Кстати, в таком случае как раз ожидаемо было бы встретить у Геродота имя Ферекида (когда спорили, обычно все-таки указывали, с кем спорят), а этого, как отмечалось выше, мы не наблюдаем.

Как бы то ни было, перед нами действительно сложный вопрос. Чтобы с ним разобраться, необходимо рассмотреть данные, которые позволили бы отчасти прояснить ситуацию.

На протяжении большей части 470-х и 460-х годов, когда в основном создавался трактат Ферекида, в Афинах безусловно доминирующие позиции занимал аристократический род Филаидов во главе с блистательным Кимоном. Все согласны с тем, что Ферекид был близок к этому роду и к Кимону лично⁴⁹. Последний, следует напомнить, сплотил вокруг себя кружок видных деятелей культуры, — как местных, афинских, так и приезжих. В этот «кружок Кимона» (который был прямым предтечей более знаменитого «кружка Перикла») входили, в частности, знаменитейший живописец Полигнот, философ Архелай, поэт Меланфий, многосторонний писатель Ион Хиосский⁵⁰, молодые Софокл и Фидий⁵¹. Есть все основания включать в его состав и Ферекида, чья уникальная родословная Филаидов (фрагмент F2, см. далее) была скорее всего составлена по прямому заказу Кимона. Причем она не являлась каким-то отдельным сочинением, а, как эксплицитно указывается (Marcellin. *Vita Thuc.* 3 со ссылкой на авторитетнейшего филолога Дидима), входила в первую книгу основного ферекидовского труда.

Думается, имеет определенное значение еще одно обстоятельство. В эпоху Кимона, как часто констатируется в литературе, в афинском полисе сильно возрос

⁴⁸ Duplouy 2006, 58–64.

⁴⁹ Например, Davies 1971, 293–296; Frost 1996, 87 (цитируем просто как иллюстрацию общепринятой точки зрения). Если Ферекид и завершил свой труд уже в 450-х годах, то ведь тогда Кимон оставался еще весьма влиятельным в полисе, хотя и уступал по-немногу пальму первенства Периклу.

⁵⁰ Иона не часто причисляют к этому кружку: однако во фрагментах его мемуаров налицо политическая и личная симпатия к Кимону (см. Geddes 2007).

⁵¹ О «кружке Кимона» и в целом о его культурной политике см. Delvoye 1978; Shapiro 1992; Surikov 2008, 225–232.

интерес к фигуре Тесея⁵². Ключевое значение имела зрелищная акция, осуществленная собственноручно лидером государства, — доставка в Афины с острова Скироса «останков» этого героя⁵³. Кстати, не приходится сомневаться, что в данном случае лаконофил Кимон ориентировался на пример спартанцев, которые еще в VI в. перенесли к себе из аркадской Тегеи «останки» Ореста⁵⁴, а из Гелики, что в Ахайе, — «останки» его сына Тисамена⁵⁵.

А какое место занимал образ Тесея в труде Ферекида? Судя по всему, весьма значительное. Из дошедших фрагментов в трех идет речь о плавании Тесея на Крит для схватки с Минотавром (Pherec. *FGrHist.* 3. F148; F149; F150), в двух — о его участии в походе на амазонок (Pherec. *FGrHist.* 3. F151; F152), в одном — о женах этого мифического царя (Pherec. *FGrHist.* 3. F153). Еще в одном фрагменте (Pherec. *FGrHist.* 3. F84) упоминается сын Тесея Демофонт, оказавший помощь Гераклидам, которым угрожал Еврисфей Микенский⁵⁶.

Иными словами, из тех ферекидовских фрагментов, в которых речь идет об Афинах и Аттике, фактически бо́льшая часть связана с Тесеем, так что для нашего автора он оказывается ключевой, главной фигурой древнейшей афинской истории. Да и в целом мало какой герой фигурирует у Ферекида чаще, чем Тесей⁵⁷. Во всяком случае, если иметь в виду сохранившиеся куски его сочинения, но будем исходить из презумпции, согласно которой они, будучи случайной выборкой, более или менее репрезентативно отражают целое. Характерно также, что из подвигов Тесея у Ферекида присутствуют именно те два (поединок в Лабиринте и амазономохия), которые и в целом были наиболее популярны в Кимоновых Афинах, что видно и на материале изобразительных памятников⁵⁸.

В сущности, не будет преувеличением сказать (пусть и пользуясь, может быть, чрезмерно современными формулировками), что Ферекид в своем труде проводил политическую линию Кимона. Возможно, что даже лаконофильские взгляды последнего разделялись нашим автором. Во всяком случае, спартанские мифы он знал, в том числе и малоизвестные (например, Pherec. *FGrHist.* 3. F39 = *Schol. Apoll. Rhod.* I. 102: «Ферекид в девятой книге говорит, что Элат, сын Икария, берет в жены Эримеду, дочь Дамасикла; и рождается у него Тенар, по имени которого получают название “Тенар” и город, и мыс, и гавань»).

⁵² Dugas 1943; Sourvinou-Inwood 1971; Davie 1982; Shapiro 1992; Tiverios 1994; Connor 1996; Goušchin 1999.

⁵³ Podlecki 1971; Fell 2004.

⁵⁴ Huxley 1979.

⁵⁵ Leahy 1955.

^{56 57} Ср. еще Pherec. *FGrHist.* 3. F147, где упоминается (в неясном контексте) разбойник Керкион, который, собственно, и известен-то только тем, что его убил Тесей по пути из Трезен в Афины. Скорее всего именно в данной связи говорил о нем и Ферекид, так что и этот фрагмент можно отнести к числу тесеевских.

⁵⁷ Геракл, само собой, встречается у него еще чаще, но это понятно, Геракл — герой совершенно особого ранга.

⁵⁸ См. данные в монографиях, в которых сопоставляется нарративный и изобразительный материал по Тесею: Calame 1990; Walker 1995; Mills 1997.

А что можно в данной связи сказать о Геродоте? Чем дальше, тем больше становится ясным, что тем аттическим родом, с которым «отец истории» поддерживал наиболее тесные и дружественные связи в ходе своих визитов в «город Паллады» (тот, самый знаменитый из этих визитов, который имел место в середине 440-х годов, несомненно, не был ни единственным, ни первым), являлись, вопреки когда-то господствовавшему мнению, не Алкмеониды⁵⁹, а Филаиды⁶⁰. Мы бы сказали даже, что молодого Геродота тоже вполне можно назвать членом «кружка Кимона» (скончавшегося в 450 г., а Геродот родился в 484 г., так что никаких хронологических несообразностей не возникает). Между прочим, не следует забывать и о том, что Фурии, в которые Геродот отправился для обретения там нового гражданства, были основаны, вопреки распространенному заблуждению, по замыслу не Перикла, близкого к Алкмеонидам, а его тогдашнего главного соперника Фукидида, сына Мелесия, — человека из окружения Филаидов (и их родственника), преемника Кимона в качестве лидера их политической группировки. А Перикл лишь перехватил у Фукидида выигрышную инициативу⁶¹, последний же подвергся остракизму⁶².

В рамках интеллектуального сообщества, существовавшего вокруг Кимона, и могло (пожалуй, даже должно было) происходить общение двух историков — старшего и младшего коллег (разница в возрасте между Ферекидом и Геродотом была, повторим, приблизительно в поколение, как потом между Геродотом и Фукидидом), в ходе которого молодой галикарнасец впитывал ферекидовские симпатии к Филаидам.

⁵⁹ Точка зрения на Геродота как на тенденциозного «проалкмеонидского» автора была весьма модной в 1960–1970-х годах (указания на литературу см. Surikov 2013, 45, notes 1, 4). Но уже в начале 1980-х было справедливо указано (Hart 1982, 12–13), что так называемая «апология Алкмеонидов» у Геродота (VI. 121–131), в сущности, вообще не апология, а скорее пародия на такие апологии, полная иронии, и уж во всяком случае данный пассаж не является панегириком и не содержит никакой сознательно проводимой тенденциозности в пользу упомянутого рода (Develin 1985).

⁶⁰ Surikov 2013; Samons 2017. В работе, названной последней, впрочем, предпринята попытка занять компромиссную позицию: Геродот в целом положительно относился как к Филаидам, так и к Алкмеонидам (хотя и не умалчивал о нелицеприятных эпизодах из истории обоих этих родов). Однако близость историка одновременно и к тем, и к другим представляется крайне маловероятной. Филаиды и Алкмеониды ожесточенно враждовали на протяжении полутора столетий. Имел место довольно краткий период примирения между ними (на чисто прагматической основе — коалиция против Фемистокла) в 470-х годах; но Геродот тогда был еще подростком. Кстати, оговорим, что распространяющаяся в последнее время тенденция называть Филаидов Кимонидами не может быть оценена положительно. Название рода «Филаиды», во всяком случае, упоминается в античном источнике (Diog. Laert. X. 1), а «Кимониды» — никогда, это искусственное новообразование.

⁶¹ О борьбе между Фукидидом, сыном Мелесия, и Периклом по вопросу об основании Фурий см. в не новой, но и по сей день лучшей работе об этом Фукидиде (кстати, возможно, деде одноименного историка) Wade-Gery 1958, 255–256.

⁶² О тактике, примененной Периклом для обеспечения изгнания Фукидида, см. Surikov 2006, 341–344.

Разумеется, сказанное совершенно не означает, что «отец истории» во всем солидаризировался с предшественником или тем более вторил ему. Это вовсе не соответствовало бы действительности, и примеры расхождения налицо. Приведем некоторые из них. Как мы видели, у Ферекида много говорилось о Тесее, а Геродот упоминает его только один раз (Hdt. IX. 73), и не в очень-то позитивном ключе (говорится о τῇ Θησέος ὕβρι). Но тут нужно учитывать два момента. Во-первых, кимоновская пропаганда Тесея была явлением в общем-то внутриафинским, и понятно, что местный уроженец Ферекид воспринимал ее с энтузиазмом, а выходцу из далекого Галикарнасса до этого чисто аттического героя было мало дела. Во-вторых, Геродот и в целом был крайне не склонен выходить за пределы ἀνθρωπῆνης λεγομένης γενεῆς, как он ее называл (Hdt. III. 122), т.е. включать в повествование события «героической» эпохи. Этим он, несомненно, противопоставлял себя мифографам⁶³.

А вот случай более очевидного расхождения. Он, кстати, имеет прямое отношение к первопредкам тех самых Филаидов. Филей, эпоним-основоположник их рода, считался сыном Аякса Большого, Аякс — сыном саламинского царя Теламона. А кого называли отцом Теламона? В основной ветви традиции он и Пелей (отец Ахилла) — дети Эака, первого правителя Эгины. Именно так и у Геродота, который прямо называет Теламона и Аякса Эакидами (Hdt. VIII. 64).

Но вот что читаем в одном из фрагментов Ферекида (Pherec. *FGrHist.* 3. F60 = Apollod. *Bibl.* III. 12. 6): «Эак же берет в жены Эндейду, дочь Скирона⁶⁴, от которой у него рождаются сыновья Пелей и Теламон. Но Ферекид говорит, что Теламон был другом, а не братом Пелея, в действительности — сыном Актея и Главки, дочери Кихрея».

Перед нами действительно очень редкий, необычный вариант мифа. В нем появляются какой-то Актей и Кихрей, царь Саламина. Стремление отделить Теламона (а тем самым Аякса и его потомков Филаидов, покровителей Ферекида) от Эгины и приблизить их к Афинам? Это кажется более чем допустимым. Известно, насколько острыми были отношения между афинским и эгинским полисами, как минимум, с 490-х годов⁶⁵. Временное сближение противников в рамках Эллинского союза 481 г. оказалось недолговечным и вскоре вновь сменилось враждебностью, итогом которой стал разгром Афинами Эгины в 458 г. Ферекид, таким образом, предложил сознательно антиэгинскую версию; а к чужаку Геродоту эти афино-эгинские дразги не имели прямого отношения, и он предпочитал придерживаться версии общепринятой.

Интересно также читать сообщение Ферекида о колонизации Ионии (Pherec. *FGrHist.* 3. F155 = Strab. XIV. 1. 3) в параллель с известными, неоднократными рассуждениями в труде Геродота об ионийских городах и происхождении их насельников, об Афинах как их метрополии. Версия об ионийцах как «колонистах»

⁶³ Хотя сами слова «мифограф», «мифография», похоже, еще не употреблялись в V в.; во всяком случае, они не зафиксированы в текстах этого времени (Fowler 2000, XXVII).

⁶⁴ Очевидно, известного разбойника Скирона, устроившего свое логовище где-то между Афинами и Мегарами.

⁶⁵ Haubold 2007, 226–244.

афинян, естественно, афинской же и является (циркулировала по меньшей мере со времен Солона, см. Sol. fr. 4 Diehl); Ферекид исходит именно из нее, и Геродот ему в основном следует.

Но вот на что хотелось бы обратить внимание. У Ферекида в упомянутом фрагменте помимо прочего сказано: «А возглавлял переселение ионийцев, более позднее по сравнению с эолийским, как говорит Ферекид, Андрокл, законный сын Кодра, царя Афин; он же стал основателем Эфеса. Поэтому там, как говорят, он поместил царский дворец ионийцев; и еще поныне лица из его рода именуются царями, имея определенные почести: лучшее место на состязаниях, багряницу, являющуюся знаком царского рода, посох вместо скипетра и жречество Деметры Элевсинской».

Таким образом, главная роль в предприятии отводится здесь Андроклу. А вот у Геродота Андрокл вообще не упоминается, зато упоминается другой сын Кодра — Нелей, названный основателем Милета (IX. 97). В дошедших же фрагментах Ферекида, напротив, вообще не фигурирует Нелей⁶⁶. Все это, может быть, и не является случайностью, а отражает какие-то неясные уже для нас перипетии межполисной борьбы, влиявшей на историографию. Не исключаем, что речь следует вести о соперничестве двух главных политических, экономических, культурных центров материковой Ионии — Милета («города Нелея») и Эфеса («города Андрокла»).

Впрочем, когда говорят о противоречиях между Геродотом и Ферекидом, обычно имеют в виду не то, что мы перечислили выше, а одно совершенно конкретное место. Это — тот ферекидовский фрагмент, который справедливо считается самым важным с исторической точки зрения у данного автора (Pheres. *FGrHist.* 3. F2 = Marcellin. *Vita Thuc.* 2–4) и к подробному рассмотрению которого мы наконец приступаем. Его приводит (цитируя дословно, но не из первых рук, а через Дидима) Маркеллин, малоизвестный позднеантичный автор (предположительно датируемый IV в. н.э.), от которого дошла только биография историка Фукидида⁶⁷ (выходца из рода Филаидов), весьма путаная, но содержащая некоторые интересные сведения.

Фрагмент представляет собой родословную Филаидов; сохранилась ее часть от Филея до Мильтиада Старшего (Мильтиада Ойкиста), хотя скорее всего в первоисточнике она доводилась вплоть до Кимона, современника Ферекида. Разумеется, данная родословная в своей древнейшей части легендарна, а в части более поздней она подверглась коррупции. Последнее особенно прискорбно. Действительно, даже беглый взгляд показывает, что в результате трансляции через посредника (как минимум, одного) текст дошел до нас в явно испорченном виде; уже Якоби ощущал необходимость серьезных эмендаций и предложил их.

Насколько они необходимы? В этом-то и вопрос. Их далеко не все принимают. Сейчас мы просто приведем три реконструкции интересующего нас фрагмента — одну классическую (Ф. Якоби⁶⁸) и две относительно недавних (Р. Фаулер⁶⁹, А. Дюплуй⁷⁰) и сравним их.

⁶⁶ Точнее, фигурирует, но не этот, а другой Нелей — сын Посейдона и отец гомеровского Нестора.

⁶⁷ О ней см. Burns 2010.

⁶⁸ Jacoby 1995, 59–60.

⁶⁹ Fowler 2000, 276–277.

⁷⁰ Duplouy 2006, 58.

Якоби⁷¹:

Φιλαίας δὲ ὁ Αἶαντος οἰκεῖ ἐν Ἀθήναις. ἐκ τούτου δὲ γίνεται Δάικλος· τοῦ δὲ Ἐπίλυκος· τοῦ δὲ Ἀκέστωρ· τοῦ δὲ Ἀγήνωρ· τοῦ δὲ Οὐ<ϋ>λιος· τοῦ δὲ Λύκης· τοῦ δὲ †Τόφων· τοῦ δὲ Λάιος· τοῦ δὲ Ἀγαμήστωρ· τοῦ δὲ Τίσανδρος· [ἐφ' οὗ ἄρχοντος ἐν Ἀθήναις· τοῦ δὲ Μιλτιάδης] τοῦ δὲ Ἴπποκλείδης, ἐφ' οὗ ἄρχοντος <ἐν Ἀθήναις> Παναθήναια ἐτέθη· <τοῦ δὲ Κύψελος>· τοῦ δὲ Μιλτιάδης, ὃς ὤκισε Χερρόνησον.

Перевод: Филей же, сын Аякса, живет⁷² в Афинах; от него же происходит Даикл⁷³; от того — Эпилик⁷⁴; от того — Акестор; от того — Агенор; от того — Улий⁷⁵; от того — Лик; от того — Тофонт⁷⁶; от того — Лай; от того — Агаместор; от того — Тисандр⁷⁷; от того — Гиппоклид⁷⁸, в чье архонтство [в Афинах]⁷⁹ были учреждены Панафинеи; [от того — Кипсел;] от того — Мильтиад, населивший колонистами Херсонес⁸⁰.

Фаулер

Φιλαῖος δὲ ὁ Αἶαντος οἰκεῖ ἐν Ἀθήναις. ἐκ τούτου δὲ γίνεται Αἴκλος· τοῦ δὲ Ἐπίλυκος· τοῦ δὲ Ἀκέστωρ· τοῦ δὲ Ἀγήνωρ· τοῦ δὲ Οὐ<ϋ>λιος· τοῦ δὲ Λύκης· τοῦ δὲ †Τόφων· τοῦ δὲ Φιλαῖος· τοῦ δὲ Ἀγαμήστωρ· τοῦ δὲ Τείσανδρος ἐφ' οὗ ἄρχοντος ἐν Ἀθήναις <>· τοῦ δὲ Μιλτιάδης· τοῦ δὲ Ἴπποκλείδης, ἐφ' οὗ ἄρχοντος Παναθήναια ἐτέθη· τοῦ δὲ Μιλτιάδης, ὃς ὤκισε Χερσόνησον.

Перевод: Филей же, сын Аякса, живет в Афинах, от него же происходит Экл; от того — Эпилик; от того — Акестор; от того — Агенор; от того — Улий; от того — Лик; от того — Тофонт; от того — Филей⁸¹; от того — Агаместор; от того — Тисандр, в чье архонтство в Афинах...; от того — Мильтиад; от того — Гиппоклид, в чье архонтство были учреждены Панафинеи; от того — Мильтиад, населивший колонистами Херсонес.

Дюплуи

Φιλαῖος δὲ ὁ Αἶαντος οἰκεῖ ἐν Ἀθήναις. Ἐκ τούτου δὲ γίνεται Δάικλος· τοῦ δὲ Ἐπίλυκος· τοῦ δὲ Ἀκέστωρ· τοῦ δὲ Ἀγήνωρ· τοῦ δὲ Οὐ<ϋ>λιος· τοῦ δὲ Λύκης· τοῦ δὲ †Τόφων· τοῦ δὲ Λάιος· τοῦ δὲ Ἀγαμήστωρ· τοῦ δὲ Τίσανδρος· τοῦ δὲ Ἴπποκλείδης, ἐφ' οὗ ἄρχοντος < ἐν Ἀθήναις> Παναθήναια ἐτέθη· τοῦ δὲ Μιλτιάδης, ὃς ὤκισε (sic. — И. С.) Χερρόνησον.

⁷¹ Оговорим, что у него квадратные скобки маркируют атетируемый текст, а угловые — вставляемый.

⁷² Характерно, что Ферекид, рассказывая о прошлом (порой весьма отдаленном), предпочитает пользоваться глагольными формами настоящего времени (praesens historicum). Такое бывает у него нередко.

⁷³ Предлагалась поправка «Экл».

⁷⁴ В оригинале — «Эпидик», причем с *инсилоном* в третьем слоге, что невозможно (имени Ἐπίδουκος не существует). Поэтому правомерна поправка на «Эпилик»: это имя и впоследствии было распространено в роде Филаидов.

⁷⁵ В В. В. Кимон назвал одного из своих сыновей Улием, — возможно, под влиянием генеалогических изысканий Ферекида.

⁷⁶ Несуществующее имя. Резонна поправка «Иофонт».

⁷⁷ Далее исключается грамматически неправильный пассаж «в чье архонтство в Афинах; от того — Мильтиад». Это явная ошибка переписчика.

⁷⁸ Известное лицо, архонт-эпоним 566/565 г.

⁷⁹ Слова в квадратных скобках здесь и чуть дальше — необходимые добавки.

⁸⁰ Херсонес Фракийский.

⁸¹ А вот эта поправка Фаулера (Λάιος на Φιλαῖος) вполне может иметь резон.

Перевод: Филей же, сын Аякса, живет в Афинах, от него же происходит Даикл; от того — Эпилик; от того — Акестор; от того — Агенор; от того — Улий; от того — Лик; от того — Тофонт; от того — Лай; от того — Агаместор; от того — Тисандр; от того — Гиппоклид, в чье архонство [в Афинах] были учреждены Панафинеи; от того — Мильтиад, населивший колонистами Херсонес.

Итак, суть контroversы, говоря вкратце, заключается в следующем: и Р. Фаулер, и А. Дюплиу отвергают (в чем мы с ними отнюдь не солидарны по причинам, которые будут изложены чуть ниже) главные эмендации Якоби в этом фрагменте, считая, что они были сделаны с единственной целью — согласовать данные Ферекида с данными Геродота (и, по большому счету, так оно и есть). А этого де делать и не следует, поскольку здесь нет серьезной порчи, а налицо, по их мнению, два разных варианта генеалогии Филаидов — не зависимые друг от друга (Фаулер) или конкурирующие (Дюплиу).

И действительно, по указанию Геродота (VI. 34–36), отцом Мильтиада старшего был Кипсел, тезка первого тирана Коринфа, получивший свое имя, несомненно, благодаря матримониальным связям между коринфскими Кипселидами и афинскими Филаидами, о которых упоминает тот же «отец истории» (VI. 128). Подчеркнем, что именно геродотовская генеалогия является верной; она, подкрепляемая и дополняемая сведениями других источников, лежит в основе той стеммы Филаидов, которая приводится в современных исследованиях⁸². В рамках этой стеммы Мильтиад, сын Кипсела (архонта-эпонима 597/596 г.⁸³), и Гиппоклид (архонт-эпоним 566/565 г.⁸⁴), сын Тисандра, приходились друг другу двоюродными братьями. А у Фаулера и Дюплиу, в их реконструкциях фрагмента Ферекида, Мильтиад Старший оказывается сыном Гиппоклида (у Фаулера появляются даже два Мильтиада: один — сын Тисандра и отец Гиппоклида, а второй — сын Гиппоклида).

Однако приходится констатировать, что правота в данном споре — на стороне не новых исследователей, а Ф. Якоби. Гениальное чутье ученого не подвело его и в этом случае, как не подводило почти никогда. Он четко осознавал, что эмендации неизбежны. Ведь если мы принимаем как есть явно испорченный пассаж передающего Ферекида Маркеллина, никак не пытаясь его исправить, то получается нечто близкое к абсурду. Уж не говорим о том, что тогда мы остаемся при грубейшем анаколуфе⁸⁵. Главное — в другом: делать Мильтиада Старшего, ойкиста Херсонеса Фракийского, сыном Гиппоклида решительно невозможно. Гиппоклид, повторим, занимал пост афинского архонта-эпонима в 566/565 г., а за пять лет до того, будучи еще холостым, сватался к Агаристе, дочери тирана Клизфена Сикионского⁸⁶, Мильтиад же уже в 560 г. одержал победу в Олимпийских играх⁸⁷. Нам кажется, здесь всё предельно ясно.

⁸² Например, Davies 1971, Table 1 (отдельной вкладкой без пагинации).

⁸³ Develin 2003, 34.

⁸⁴ Develin 2003, 41.

⁸⁵ Фаулер его так и оставил; Дюплиу же попросту взял и убрал из текста, даже не оговорив. Но это означает осуждать одни эмендации и тут же самому делать другие, причем никак не обосновывая.

⁸⁶ Alexander 1959.

⁸⁷ Moretti 1957, 71.

Мог ли допустить такую грубейшую погрешность Ферекид — коренной афинянин, к тому же специально занимавшийся родословной Филаидов (при том что пришлец Геродот, специально ею не занимавшийся, подобной погрешности не допустил)? Вопрос представляется риторическим. Одним словом, совершенно незачем выискивать мнимые разногласия между источниками там, где дело просто в плохом состоянии (вторичного) текста. Ферекид уж точно не мог назвать Мильтиада сыном Гиппоклида. Что именно он о нем писал — теперь уже сказать трудно, но скорее всего указывал Кипсела в качестве его отца, как и Галикарнасс (что и отразил в своих поправках Ф. Якоби).

Правда, Фаулер и Дюплуи указывают в качестве параллели случай, о котором говорилось выше: у Геродота Теламон — сын Эака, а у Ферекида — сын Актея. Вроде бы некоторое сходство и вправду налицо, но на самом деле оно более чем отдаленное, и этот аргумент не работает. Одно дело — древний герой, и совсем другое дело — политик, скончавшийся всего лишь за какие-нибудь полвека до того, как Ферекид приступил к написанию своего труда. Устная память, как давно уже доказано⁸⁸, достаточно корректно сохраняет прошлые события на протяжении примерно ста лет (жизнь трех человеческих поколений), а потом уже начинаются искажения. А здесь нужно учитывать еще и родственный фактор: вряд ли Кимон, общавшийся с нашим историком, не знал происхождения собственного двоюродного деда.

Подчеркнем, что мы, не претендуя на специальные текстологические компетенции, не занимались здесь анализом рукописного предания в связи с текстом Маркеллина⁸⁹, видя свою задачу в другом — указать, что только чтение фрагмента F2, предложенное Якоби, дает удовлетворительный смысл, а все альтернативные порождают непреодолимые противоречия и проблемы, поэтому не представляясь приемлемыми.

ФЕРЕКИД И СКЛАДЫВАНИЕ АТТИДОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Историю локального афинского историописания, представителей которого называют аттидографами (потому что они, как правило, давали своим трактатам одно и то же название «Аттида» — «уроженка Аттики», герр. «афинянка»)⁹⁰, принято начинать с Гелланика Лесбосского, который хотя и не был уроженцем Афин, написал первую «Аттиду». А потом (в IV—III вв.) появились сочинения того же жанра, авторами которых выступали уже собственно афиняне — Клидем, Андротион, Фанодем, Филохор и несколько второстепенных фигур.

Роль Гелланика в развитии ранней греческой историографии, бесспорно, была весьма значительной. В частности, он первым (наряду с Гиппием Элидским) стал серьезно заниматься вопросами исторической хронологии⁹¹. Этот чрезвычай-

⁸⁸ В классическом труде Vansina 1965.

⁸⁹ Впрочем, применительно к этому очень редкому тексту серьезных проблем, связанных с преданием, и не возникает: оно все восходит к одной рукописи XI в. (Vaticanus Palatinus Graecus 252), уже содержащей порчу, о которой шла речь. См. по вопросу Burns 2010, 3.

⁹⁰ Об аттидографах существует целый ряд обобщающих трудов. Важнейшие: Jacoby 1949; 1954; Pearson 1981; Harding 1994; 2008.

⁹¹ Р. Фаулер ставит вопрос, кому же все-таки принадлежит приоритет в данной сфере — Гелланику или Гиппию, и приходит к выводу, что скорее Гелланику (Fowler 2013,

но плодovitый писатель прожил на редкость долгую жизнь. Родился он в 496 г. (Gell. XV. 23)⁹², а год смерти в точности неизвестен, но, во всяком случае, он упоминает события 406 г. (Hellan. *FGH*ist. 4. F171; F172), а стало быть, тогда еще писал. Таким образом, он пережил Геродота, который был моложе его⁹³. Кстати, эти самые поздние фрагменты Гелланика происходят как раз из «Аттиды», которая, таким образом, стала, видимо, его последним произведением, созданным им в конце V в. на склоне лет.

А были ли у Гелланика предшественники на ниве аттидографического жанра? Э. Рушенбуш предположил⁹⁴, что таковым является не кто иной, как Ферекид. Подобное утверждение, прозвучавшее несколько неожиданно, было в целом воспринято как часть общей позиции Рушенбуша, который, мы видели, склонен даже, пожалуй, чрезмерно преувеличивать значение этой фигуры («главный источник Геродота» и т.п.). К этой максималистской позиции вряд ли можно присоединиться в полной мере, хотя, подчеркнем, мало остается сомнений в том, что Геродот был знаком с Ферекидом и/или его трудом. А вот в какой степени можно считать последнего предтечей аттидографов?

То что афинский материал был представлен в ферекидовском трактате, и весьма обильно, совершенно ясно. Но где именно в нем он содержался, этот вопрос озадачивал Ф. Якоби, который, исходя из содержания сохранившихся фрагментов сочинения, разделил его на следующие тематические блоки⁹⁵ (применительно к Геродоту такие блоки принято называть логосами): «Теогония и сыновья богов» (1-я, 2-я книги), «Эакиды» (1-я книга), «Аргосское родословное древо» (2-я книга), «Геракл» (2-я, 3-я книги), «Потомки Агенора. Род Кадма» (4-я, 5-я книги), «Родословные Афаманта и Крефея. Предыстория Аргонавтики» (6-я книга), «Аргонавтика» (6-я, 7-я книги), «Родословные других Эолидов: Салмонея, Сизиф, Деион, Калика» (7-я, 8-я книги), «Асопиды и Атлантиды» (8-я, 9-я книги?), «Пелопиды» (10-я книга), «Троянские дела» (10-я книга?). Потом он отдельно дал фрагменты, относящиеся к тематическому блоку «Аттические дела», но даже гипотетически не предположил, в какой книге или книгах он мог находиться.

Решение проблемы, похоже, удалось найти Р. Фаулеру, который, напомним, аргументировано отверг тезис о том, что Ферекид начинал изложение с теогонии. Но если не она находилась в самом начале труда, то что? Видимо, именно аттические сюжеты, которые Ферекид, будучи афинским патриотом, рассмотрел в приоритетном порядке. Подтверждением этому является тот факт, что фрагмент F2

685–687). Фукидид, правда, критикует последнего именно за хронологические упущения, но это только потому, что сам он пошел по той же стезе еще дальше.

⁹² Эту датировку, восходящую к такому авторитетному эрудиту, как Аполлодор, иногда пытаются оспорить на том основании, что имя «Гелланик», отсылающее к «победе эллинов», не могло быть дано ранее 480–479 гг. Но это слабый довод: и имя ребенку могли дать авансом, да и этимология его не столь однозначна (см. к вопросу Fowler 2013, 682–683).

⁹³ Геродот, как обычно считается, умер в 420-х годах. Высказывалось, правда, мнение, что он был еще жив в 410-х (Fornara 1971), но продлевать его жизнь до 400-х никому не приходило в голову.

⁹⁴ Ruschenbusch 2003.

⁹⁵ Jacoby 1995, 74–99.

с родословной Филаидов цитируется Маркеллином через Дидима с указанием: «Ферекид в первой книге “Историй” говорит так».

В связи со сказанным, возможно, не лишено значения то обстоятельство, что в одном из свидетельств Ферекид назван автором сочинения «Автохтоны» (*Sud. s.v.* Φερεκύδης (3) = *Pheres. FGrHist.* 3. T2). Подобный заголовок, бесспорно, отсылает к афинянам. И, кстати, в одном из фрагментов труд Ферекида цитируется именно как «Автохтоны» (*Pheres. FGrHist.* 3. F176 = *Et. Magn.* p. 202, 49, *s.v.* Βοηδρομιών), причем речь в нем ожидаемо идет об аттических реалиях. В то же время, конечно, *весь* трактат, как отмечалось нами и выше, не мог носить такого названия, поскольку был посвящен отнюдь не только Афинам. А что если это был заголовок именно его первой части, посвященной Аттике?

Демонстрируют ли последующие аттидографы знакомство с сочинением Ферекида? На этот вопрос следует дать положительный ответ. В частности, Плутарх в своем жизнеописании Тесея выдает на-гора просто-таки россыпь принадлежащих представителям аттидографического жанра (Гелланику, Клидему, Филохору и др.) изысканий о герое (особенно насыщенные в данном отношении пассажи: *Plut. Thes.* 16–19, 26). Апеллирует он на подобном фоне, помимо прочих, и к Ферекиду. Правда, не сказать чтобы особенно часто (из указанных мест биографии происходят фрагменты *Pheres. FGrHist.* 3. F150; F151). Но тут надлежит памятовать, что Ферекид писал раньше всех остальных «афинских краеведов». Соответственно аттидографы должны были знать его труд, его мнения и так или иначе учитывать их — или принимая, или оспаривая. Таким образом, сочинение Ферекида входило неотъемлемым элементом в локальную афинскую традицию историописания⁹⁶.

Скажем больше. Более века назад Виламовиц рассуждал⁹⁷ о предполагаемой «пре-Аттиде», *Uratthis*, которая во многом лежала в основе дальнейших аттидографических трактатов. Он представлял ее себе как некую храмовую хронику, составлявшуюся экзегетами. Потому-то Якоби однозначно отверг эту идею⁹⁸ (прецедентов подобных жреческих хроник, аналогичных римским понтификальным анналам, в Греции архаического и классического времени не зафиксировано и, видимо, не было совсем⁹⁹), и с тех пор к ней больше не возвращались. Однако в свете того, что все яснее становится значительный вклад Ферекида в развитие раннего историописания, не стоит ли вернуться к этой идее на новом уровне, предположив, что роль искомой «пре-Аттиды» могла играть — хотя бы в некотором отношении — афинская часть его труда?

У всех «Аттид» есть общая особенность: повествование об истории Аттики в них начинается со времен незапамятных, а доводится обязательно вплоть до событий, имевших место уже при жизни соответствующего писателя (Гелланика, Филохора и пр.). Поэтому сближению с «Аттидами» труда Ферекида вроде бы препятствует то, что, по утверждению Р. Фаулера, в нем шла речь только о делах «героической»

⁹⁶ Ср. Harding 2008, 9.

⁹⁷ В частности, неоднократно на страницах фундаментального труда Wilamowitz-Moellendorff 1893.

⁹⁸ Полемика с ней занимает важное место в упоминавшейся монографии Якоби «Аттида» (Jacoby 1949).

⁹⁹ Ruschenbusch 1975, 68.

эпохи, но не «исторической». Однако же утверждение это, как мы видели, в высшей степени проблематично. У Ферекида упоминаются, как минимум, деятели VI в. Строго говоря, любое генеалогическое изыскание должно доходить до периода деятельности автора и его современников, иначе оно совершенно теряет свою актуальность, а во многом — и самый смысл. Ясно ведь, что греческие аристократы интересовались родословными героев не из праздного любопытства, а постольку, поскольку они сами претендовали на происхождение от этих героев и им хотелось узнать, как именно они связаны с прославленными предками.

Не должно нас смущать и кажущееся жанровое различие: Ферекид писал биографический трактат, а аттидографы — хроники. Да, действительно, в литературе «Аттиды» нередко именуют «афинскими хрониками» или «аттическими хрониками»¹⁰⁰. Но следует понимать, что делается это только в силу традиции, а терминологически корректным назвать подобное словоупотребление никак нельзя. В сочинениях аттидографической традиции начисто отсутствуют базовые признаки хронографического подхода¹⁰¹; в частности, в них мы не находим стремления к хронологической точности, к установлению датировок событий.

Аттидографы, в отличие от хронистов, в первую очередь не излагали и описывали прошлое, а изучали и исследовали его. Каждый из них стремился сказать новое слово, внести собственный вклад в изучение афинской истории. Поэтому, кстати, все они активно полемизировали друг с другом, горячо оспаривали выводы предшествующих представителей аттидографической традиции. Собственно, потому и появилось так много сочинений данного жанра, что в любом из этих сочинений выдвигалась какая-то новая точка зрения и опровергались предыдущие (в том числе и ферекидовская, как видно из «Тесея» Плутарха). Если бы до нас полностью дошли и трактат Ферекида, и хотя бы некоторые из «Аттид», полагаем, разница в способе изложения оказалась бы не очень значительной. Хроникам же в собственном смысле (таким как, например, знаменитая «Хроника» Аполлодора¹⁰², «Паросская хроника» и т. п.) еще только предстояло появиться у греков, и произошло это лишь в эллинистическое время.

Среди греческих историков VI—V вв. традиционно выделяют четырех самых крупных, резко выделяющихся на фоне остальных¹⁰³: Гекатея, Гелланика, Геродота и Фукидида¹⁰⁴. Поскольку значение деятельности Ферекида выявляется все более и более (и, несомненно, будет выявляться и далее), представляется

¹⁰⁰ Слово «хроники» фигурирует даже в заголовках книг Якоби и Хардинга об «Аттидах».

¹⁰¹ Surikov 2011, 15–16, 84–85.

¹⁰² О которой см. теперь Bravo 2009 (со справедливой критикой явно ошибочного тезиса о тождестве Аполлодора и Псевдо-Скимна: Marcotte 2002, 104–149).

¹⁰³ Эта традиция прослеживается повсюду, в том числе и в популярных работах. См., например, Frolov 1981, 96–118.

¹⁰⁴ Хотя Фукидид еще продолжал работать над своим трудом в первые годы IV в., стадияльно он всецело принадлежит к предшествующему столетию. Особенно яркоконтраст при сравнении с его «продолжателями» (Nicolai 2006) — Ксенофонтом, Феопомпом, Кратиппом, «Оксиринхским историком». Хотя все они начинают точнехонько на том самом месте, где остановился Фукидид (411 г.), по духу, по подходам они (при всех различиях между ними) являют собой совершенно иную генерацию историков.

возможным включить и его в этот перечень. Включить пятым — и последним, поскольку остальные представители ранней историографии (даже такие, как Харон Лампакский или Ксанф Лидийский) выглядят в сравнении с этими гигантами все-таки фигурами меньшего масштаба.

Литература / References

- Alexander, J.W. 1959: The marriage of Megacles. *Classical Journal* 55/3, 129–134.
- Alganza Roldán, M. 2012: Hecateo de Mileto, “historiador” y “mitógrafo”. *Florentia iliberritana* 23, 23–44.
- Bakker, E.J. 2002: The making of history: Herodotus’ *Historiēs Apodexis*. In: E.J. Bakker, I.J.F. de Jong, H. van Wees (eds.), *Brill’s Companion to Herodotus*. Leiden–Boston–Köln, 3–32.
- Bertelli, L. 2007: Hecataeus: from genealogy to historiography. In: N. Luraghi (ed.), *The Historian’s Craft in the Age of Herodotus*. Oxford, 67–94.
- Bichler, R. 2001: *Herodots Welt: Der Aufbau der Historie am Bild der fremden Länder und Völker, ihrer Zivilisation und ihrer Geschichte*. Berlin.
- Bichler, R. 2016: Persian geography and the Ionians: Herodotus. In: S. Bianchetti, M.R. Cataudella, H.-J. Gehrke (eds.), *Brill’s Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition*. Leiden–Boston, 3–20.
- Bichler, R. 2018: Herodotus the geographer. In: E. Bowie (ed.), *Herodotus — Narrator, Scientist, Historian*. Berlin–Boston, 139–155.
- Braun, T. 2004: Hecataeus’ knowledge of the Western Mediterranean. In: K. Lomas (ed.), *Greek Identity in the Western Mediterranean: Papers in Honour of B. Shefton*. Leiden–Boston, 287–347.
- Bravo, B. 2009: *La Chronique d’Apollodore et le Pseudo-Skymnos: Érudition antiquaire et littérature géographique dans la seconde moitié du IIe siècle av. J.-C.* Leuven.
- Burns, T. 2010: Marcellinus’ “Life of Thucydides”, translated, with an introductory essay. *Interpretation: A Journal of Political Philosophy* 38/1, 3–25.
- Calame, C. 1990: *Thésée et l’imaginaire athénien: Légende et culte en Grèce antique*. Lausanne.
- Cole, S.G. 2010: ‘I know the number of the sand and the measure of the sea’: geography and difference in the early Greek world. In: K.A. Raaflaub, R.J.A. Talbert (eds.), *Geography and Ethnography: Perceptions of the World in Pre-Modern Societies*. Oxford, 197–214.
- Connor, W.R. 1996: Theseus and his city. In: P. Hellström, B. Alroth (eds.), *Religion and Power in the Ancient Greek World*. Uppsala, 115–120.
- Davie, J.N. 1982: Theseus the King in fifth-century Athens. *Greece & Rome* 29/1, 25–34.
- Davies, J.K. 1971: *Athenian Propertied Families 600–300 B.C.* Oxford.
- Delvoye, C. 1978: Art et politique à Athènes à l’époque de Cimon. In: J. Bingen, G. Cambier, G. Nachtergaele (eds.), *Le monde grec: Hommages à Claire Préaux*. Bruxelles, 801–807.
- Develin, R. 1985: Herodotus and the Alkmeonids. In: J.W. Eadie, J. Ober (eds.), *The Craft of the Ancient Historian: Essays in Honor of Chester G. Starr*. Lanham, 125–139.
- Develin, R. 2003: *Athenian Officials 684–321 B.C.* Cambridge.
- Dugas, C. 1943: L’évolution de la légende de Thésée. *Revue des Études Grecques* 56, 1–24.
- Duploux, A. 2006: *Le prestige des élites: Recherches sur les modes de reconnaissance sociale en Grèce entre les Xe et Ve siècles avant J.-C.* Paris.
- Engels, J. 2007: Geography and history. In: J. Marincola (ed.), *A Companion to Greek and Roman Historiography*. Vol. 2. Oxford, 541–552.
- Fell, M. 2004: Kimon und die Gebeine des Theseus. *Klio* 86/1, 15–54.
- Fornara, C.W. 1971: Evidence for the date of Herodotus’ publication. *Journal of Hellenic Studies* 91, 25–34.
- Fowler, R.L. 1999: The authors named Pherecydes. *Mnemosyne* 52, 1–15.
- Fowler, R.L. 2000: *Early Greek Mythography*. I. *Text and Introduction*. Oxford.
- Fowler, R.L. 2007: Early *Historiē* and literacy. In: N. Luraghi (ed.), *The Historian’s Craft in the Age of Herodotus*. Oxford, 95–115.
- Fowler, R.L. 2013: *Early Greek Mythography*. II. *Commentary*. Oxford.
- Frolov, E.D. 1981: *Fakel Prometeia: Ocherki antichnoy obshchestvennoy mysli [The Torch of Prometheus: Essays on Classical Social Thought]*. Leningrad.

- Фролов, Э.Д. *Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли*. Л.
- Frost, F.J. 1996: Faith, authority, and history in early Athens. In: P. Hellström, B. Alroth (eds.), *Religion and Power in the Ancient Greek World*. Uppsala, 83–89.
- Gagarin, M. 2002: *Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin.
- Geddes, A. 2007: Ion of Chios and politics. In: V. Jennings, A. Katsaros (eds.), *The World of Ion of Chios*. Leiden–Boston, 110–138.
- Gehrke, H.-J. 2014: *Geschichte als Element antiker Kultur: Die Griechen und ihre Geschichte(n)*. Berlin–Boston.
- Goušchin, V. 1999: Athenian synoikism of the fifth century B.C., or two stories of Theseus. *Greece & Rome* 46/2, 168–187.
- Grant, M. 1962: *Myths of the Greeks and Romans*. London.
- Hansen, M.H. 1997: Hekataios' use of the word *polis* in his *Periegesis*. In: T.H. Nielsen (ed.), *Yet More Studies in the Ancient Greek Polis*. Stuttgart, 17–27.
- Harding, P. 1994: *Androton and the Attis*. Oxford.
- Harding, P. 2008: *The Story of Athens: The Fragments of the Local Chronicles of Attika*. London–New York.
- Hart, J. 1982: *Herodotus and Greek History*. London.
- Haubold, J. 2007: Athens and Aegina (5.82–9). In: E. Irwin, E. Greenwood (eds.), *Reading Herodotus: A Study of the Logoi in Book 5 of Herodotus' Histories*. Cambridge, 226–244.
- Heidegger, M. 1991: *Razgovor na proselochnoy doroge: Izbrannye stat'i pozdnego perioda tvorchestva [A Talk on a Country Road: Selected Articles of the Late Period of Work]*. Moscow.
- Хайдеггер, М. *Разговор на проселочной дороге: Избранные статьи позднего периода творчества*. М.
- Herrmann, M. 1911: Hekataios als mutmassliche geographische Quelle Herodots in seiner Beschreibung des Xerxeszuges. *Klio* 11, 382–384.
- Hunter, R. (ed.) 2005: *The Hesiodic Catalogue of Women: Constructions and Reconstructions*. Cambridge.
- Huxley, G. 1979: Bones for Orestes. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 20/2, 145–148.
- Jacoby, F. 1949: *Attis: The Local Chronicles of Ancient Athens*. Oxford.
- Jacoby, F. 1954: *Die Fragmente der griechischen Historiker*. Teil 3b. *A Commentary on the Ancient Historians of Athens*. Vol. 1–2. Leiden.
- Jacoby, F. 1956: *Abhandlungen zur griechischen Geschichtsschreibung*. Leiden.
- Jacoby, F. 1995: *Die Fragmente der griechischen Historiker (FGrHist)*. Teil 1: *Genealogie und Mythographie*. A. Vorrede, Text, Addenda, Konkordanz. Leiden–New York–Köln.
- Leahy, D.M. 1955: The bones of Tisamenus. *Historia* 4/1, 26–38.
- Lendle, O. 1968: Die Auseinandersetzung des Thukydides mit Hellanikos. In: H. Herter (Hrsg.), *Thukydides*. Darmstadt, 661–682.
- Lendle, O. 1992: *Einführung in die griechische Geschichtsschreibung: Von Hekataios bis Zosimos*. Darmstadt.
- Luce, T.J. 1997: *The Greek Historians*. London–New York.
- Marcotte, D. 2002: *Les géographes grecs*. T. 1. *Introduction générale. Pseudo-Scymnos. Circuit de la Terre*. Paris.
- Matijašić, I. 2018: *Shaping the Canons of Ancient Greek Historiography. Imitation, Classicism, and Literary Criticism*. Berlin–Boston.
- Mills, S. 1997: *Theseus, Tragedy and the Athenian Empire*. Oxford.
- Moretti, L. 1957: *Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici*. Roma.
- Nicolai, R. 2006: Thucydides continued. In: A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds.), *Brill's Companion to Thucydides*. Leiden–Boston, 693–719.
- Nikolaidou-Arabatzi, S. 2018: *ιστορῆειν* und *θωμάζειν*: scientific terms and signs of unity in Herodotus' Histories. In: E. Bowie (ed.), *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian*. Berlin–Boston, 223–241.
- Nilsson, M.P. 1951: *Cults, Myths, Oracles, and Politics in Ancient Greece*. Lund.
- Pearson, L. 1975: *Early Ionian Historians*. Westport.
- Pearson, L. 1981: *The Local Historians of Attica*. 2nd ed. Ann Arbor.
- Pelliccia, H. 1992: Sappho 16, Gorgias' Helen, and the preface to Herodotus' Histories. In: F.M. Dunn, T. Cole (eds.), *Beginnings in Classical Literature*. Cambridge, 63–84.
- Podlecki, A.J. 1971: Cimon, Skyros and 'Theseus' bones'. *Journal of Hellenic Studies* 91, 141–143.
- Popper, K.R. 1983: *Logika i rost nauchnogo znaniya: Izbrannye raboty [Logic and Growth of Scientific Knowledge: Selected Works]*. Moscow.
- Поппер, К.Р. *Логика и рост научного знания: Избранные работы*. М.

- Ruschenbusch, E. 1975: Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des Rechtshistorikers. In: H.J. Wolff (Hrsg.), *Symposion 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 67–77.
- Ruschenbusch, E. 1995: Eine schriftliche Quelle im Werk Herodots (FGrHist 3, Pherekydes von Athen. In: M. Weinmann-Walser (Hrsg.), *Historische Interpretationen Gerold Walser zum 75. Geburtstag dargebracht von Freunden, Kollegen und Schülern*. Stuttgart, 131–149.
- Ruschenbusch, E. 2000: Weitere Untersuchungen zu Pherekydes von Athen (FGrHist 3). *Klio* 82/2, 335–343.
- Ruschenbusch, E. 2003: Was Hellanikos the First Chronicler of Athens? *Klio* 85/1, 7–8.
- Samons, L.J. 2017: Herodotus on the Kimonids: Peisistratid allies in sixth-century Athens. *Historia* 66/1, 21–44.
- Scanlon, T.F. 2015: *Greek Historiography*. Malden (MA)—Oxford.
- Shapiro, H.A. 1992: Theseus in Kimonian Athens: the iconography of empire. *Mediterranean Historical Review* 7/1, 29–49.
- Smart, J.D. 1986: Thucydides and Hellanicus. In: I.S. Moxon, J.D. Smart, A.J. Woodman (eds.), *Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing*. Cambridge, 19–35.
- Sourvinou-Inwood, C. 1971: Theseus lifting the rock and a cup near the Pithos Painter. *Journal of Hellenic Studies* 91, 94–109.
- Starr, C.G. 1962: *The Origins of Greek Civilization, 1100–650 B.C.* London.
- Surikov, I.E. 2006: *Ostrakizm v Afinakh [Ostracism in Athens]*. Moscow.
Суриков, И.Е. *Остракизм в Афинах*. М.
- Surikov, I.E. 2008: *Antichnaya Gretsiiya: Politiki v kontekste epokhi. Vremya rastsveta demokratii [Ancient Greece: Politicians in the Context of the Epoch. The Heyday of Democracy]*. Moscow.
Суриков, И.Е. *Античная Греция: Политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии*. М.
- Surikov, I.E. 2011: *Ocherki ob istoriipisanii v klassicheskoy Gretsii [Essays on Historical Writing in Classical Greece]*. Moscow.
Суриков, И.Е. *Очерки об историописании в классической Греции*. М.
- Surikov, I.E. 2013: Herodotus and the Philaids. In: A. Mehl, A.V. Makhlayuk, O. Gabelko (eds.), *Ruthenia Classica Aetatis Novae: A Collection of Works by Russian Scholars in Ancient Greek and Roman History*. Stuttgart, 45–70.
- Tiverios, M. 1994: [Theseus and the Panathenaia]. In: W.D.E. Coulson, O. Palagia, T.L. Shear, H.A. Shapiro, F.J. Frost (eds.), *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxford, 131–142.
Τιβέριος, Μ. Θησεύς καὶ Παναθήναια. In: W.D.E. Coulson, O. Palagia, T.L. Shear, H.A. Shapiro, F.J. Frost (eds.), *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxford, 131–142.
- Toye, D.L. 1997: Pherecydes of Syros: ancient theologian and genealogist. *Mnemosyne* 50, 530–560.
- Vansina, J. 1965: *Oral Tradition: A Study in Historical Methodology*. London.
- Veyne, P. 2003: *Greki i mifologiya: vera ili neverie? Opyt o konstituiruyushchem voobrazhenii [Greeks and Mythology: Belief or Disbelief? An Essay on the Constituting Imagination]*. Moscow.
Вен, П. *Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении*. М.
- Vidal-Naquet, P. 2001: *Chernyy okhotnik: Formy myshleniya i formy obshchestva v grecheskom mire [The Black Hunter: Forms of Thought and Forms of Society in the Greek World]*. Moscow.
Видал-Накэ, П. *Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире*. М.
- Wade-Gery, H.T. 1958: *Essays in Greek History*. Oxford.
- Walker, H.J. 1995: *Theseus and Athens*. Oxford.
- West, S. 1991: Herodotus' portrait of Hecataeus. *Journal of Hellenic Studies* 111, 144–160.
- Wilamowitz-Moellendorff, U. von. 1893: *Aristoteles und Athen*. Bd. 1–2. Berlin.
- Wipprecht, F. 1902: *Zur Entwicklung der rationalistischen Mythendeutung bei den Griechen*. Bd. 1. Tübingen.
- Zelinskiy, F.F. 1907: *Iz zhizni idey: Nauchno-populyarnye stat'i. T. 3 [From the Life of Ideas: Popular Articles. Vol. 3]*. Saint Petersburg.
Зелинский, Ф.Ф. *Из жизни идей: Научно-популярные статьи. Т. 3*. СПб.